

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.3
**АЛКОГОЛЬ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РЕЖИМА
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)**

*Суменкова М.В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Пензенский государственный технологический университет,
Пенза, Россия*

Аннотация. В статье проведён анализ государственной политики по борьбе с потреблением алкоголя населением России в начале 20 века и после Октябрьской революции 1917 года. Автор описывает причины, механизмы, инструменты и цели алкогольной политики царского правительства и Советской власти. В статье представлены результаты деятельности, которые оказали влияние на социальные, экономические, политические процессы в России.

Ключевые слова: алкоголь, государственная политика, политический строй, потребление алкоголя, борьба с алкоголизмом, Октябрьская революция.

**ALCOHOL AS A FACTOR OF DESTABILIZATION OF THE REGIME
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA IN THE FIRST QUARTER
OF THE 20TH CENTURY)**

*Sumenkova M.V.
Candidate of Philosophy,
Associate professor of Philosophy department
Penza State Technological University
Penza, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes public policies to fight against alcohol consumption by the population of Russia in the early 20th century, and after the October Revolution of 1917. Author describes the causes, mechanisms, tools and goals of the alcohol policy of the Tsar government and the Bolsheviki. The article presents the results of the activities which had an impact on social, economic and political processes of Russia.

Key words: alcohol, public policy, political regime, alcohol consumption, fighting alcoholism, October Revolution.

Алкоголь включен ВОЗ в число веществ алкогольно-барбитурового ряда, вызывающих болезненное пристрастие. Алкоголь, обладая аналогичными свойствами наркотических веществ, не запрещён законодательством к обороту, несмотря на очевидную равнозначность социальной опасности, наравне с наркотиками.

История употребления алкоголя человечеством показывает, что, во-первых, употребление алкоголя получило распространение в обществе тогда, когда появились возможности тратить на его изготовление часть пищевых продуктов. Во-вторых, алкоголь поначалу применялся главным образом в религиозных и лекарственных целях. Однако, притягательность алкоголя – его способность трансформировать психическое состояние человека, расширяли

и углубляли потребление спиртного, выводя его за рамки общественного полезного и социально не опасного явления. Кроме того, бродильные напитки, изначально употребляемые человечеством – квас, пиво, медовуха, вино и др. не столь опасны, как спиртные напитки, появившиеся благодаря техническому прогрессу, получаемые путём дистилляции и ректификации. С появлением спирта, водок, настоек, виски, рома и т.д., аддиктивное поведение личности становится девиантным. Аддиктивное поведение предполагает использование каких-либо веществ с целью ухода от реальности и получения желаемых эмоций или удовлетворения биологических, а, прежде всего, социальных потребностей. Это поведение, которое относительно не соответствует общепринятым или установленным социальным нормам, в отношении которого в обществе существуют двойные стандарты. К примеру, употребление спиртных напитков до формирования заболевания – пьянства, алкоголизма, поощряется, а после осуждается, так как человек становится больным, криминальным и социально-опасным – девиантом. Девиантное поведение – это поведение, нарушающее социальные, культурные, правовые нормы. Причины роста девиантных отклонений множество: это и рост благосостояния людей, и бескультурье, традиции, стрессы, урбанизация, качественные и количественные изменения в экономике, называемые в современном мире – модернизацией. Модернизация общества в России всегда была связана с усилением алкоголизации населения. Чем стихийнее были процессы модернизации, тем актуальнее вставал вопрос борьбы с алкоголепотреблением, мешавшим власти эффективно управлять общественным сознанием и направлять массы на реализацию поставленных целей.

Революционные события 1917 г. – не исключение из вышеуказанного ряда. Причины проблем потребления алкоголя населением России, с которыми столкнулись большевики, были заложены ещё царским режимом в годы Первой мировой войны.

Начало военных действий, вступление России в Первую мировую войну, необходимость провести мобилизацию войск без срывов и пьяных бунтов привело правительство к немедленному разрешению вопроса: питейная торговля была запрещена. Военный министр В.А. Сухомлинов к маю 1914 г. подготовил план закрытия всех питейных заведений, кроме ресторанов первого разряда, в районах мобилизации войск [1]. Поскольку большинство легальных питейных заведений было сосредоточено в сёлах и городах, где находились призывные пункты, а водка была неотъемлемым атрибутом традиционного ритуала проводов в армию, то на начало мобилизации пришлась вспышка погромов питейных заведений и транспортов вина. Несмотря на то, что «сухой закон» был слабым гарантом воинской дисциплины, иностранные и отечественные наблюдатели сошлись на том, что «сухая» мобилизация 1914 г. прошла гораздо успешнее мобилизации в русско-японскую войну. Отмечая данные успехи, Л.П. Барк, оставаясь реалистом, понимал, что для финансирования военных действий правительству не обойтись без 600 млн. руб. питейного дохода, поэтому планировалось возобновить питейную торговлю в августе, подняв при

этом цены на водку в 2 раза [2]. Совет Министров первоначально продлил воспрещение питейной торговли до 1 сентября, затем продлив его до 1 ноября. Однако, общественная поддержка «сухого закона», оказала определённое влияние на царя, который 28 сентября 1914 г. сообщил великому князю Константину Константиновичу, почётному председателю самого известного Общества Трезвости, что «решил запретить государственную торговлю водкой в России навсегда» [3, с. 151].

Когда канал легального получения спиртного был перекрыт, волна спроса искала выход. Интеллигенция, или точнее люди, считающиеся интеллигентными по грамотности, старались путём всевозможных обходов, обманом достать водку или спирт. Многие стали считать для себя необходимым употребление спиртного, как своеобразный протест против «царской опеки». Эта прихоть населения находила себе поддержку в крайней неопределённости правил отпуска спирта по особым разрешениям. Акцизные чиновники указывали, что «никогда не требовалось столько спирта на так называемые технические цели, как после запрещения питейной торговли. Многочисленные лазареты, больницы, аптеки, конные заводы, физические кабинеты учебных заведений, кондитерские и красильные заведения, зубные врачи, даже монастыри, все – являлись усердными потребителями спирта. Там где прежде обходились денатуратом – для чистки вещей, массажа лошадей, в больницах – теперь необходим ректификат, где прежде довольствовались незначительным количеством, теперь требуются целые вёдра» [4]. Полное отсутствие каких-либо правил отпуска водочных изделий и спирта для технических целей, привело к усиленному их сбыту, большая часть которых теперь обращалась на питьевые цели. Была запрещена продажа из аптек без рецептов врачей медицинского препарата под названием «Киндер-бальзам», который готовился аптекарями из денатурированного спирта и потреблялся населением достаточно активно ещё при свободной продаже казённой водки, так как стоил в 3-4 раза дешевле неё. В результате за один только месяц 1914 г. из ренсковых погребов было продано по рецептам врачей до 28% всего годового оборота спирта. По запискам полиции в ноябре 1914 г., из ренсковых погребов было выбрано 25% годовой продажи спиртного. Церковным служителям в декабре 1914 г. было отпущено 50% годового оборота. Управление Главного Врачебного Инспектора 18 октября 1915 г. выпустило список препаратов, содержащих спирт, но отпускаемый без рецептов врачей, продажа которых потребителям теперь ограничивалась, к примеру, капли Боткинские, капли Иноземцева можно было отпускать не более одного флакона в одни руки, что было предпринято для недопущения обращения этих лечебных препаратов в качестве охмеляющих напитков. Для обуздания незаконного потребления спирта, предусмотренного для медицинских целей, Управлением Главного Врачебного Инспектора в марте 1916 г. было выпущено постановление об отпуске спирта различных крепостей по запискам зубных врачей только для их собственной надобности, но ни в коем случае не для пациентов. Так как участились случаи пьянства, особенно среди воинских чинов, напивавшихся

спиртными напитками, полученными из аптек, по рецептам врачей для лечебных нужд. Для недопущения обращения спиртных напитков, необходимых для военных и медицинских нужд, Министр Внутренних Дел предложил предоставлять чинам полиции право производить на станциях железных дорог опросы нетрезвых военных о месте приобретения ими спиртных напитков. Несмотря на то, что данная мера была необходима, этот проект не был принят, что привело к частым злоупотреблениям военных чинов своим положением для получения спиртного [5].

Основная часть населения, которой были недоступны эти пути приобретения спиртного, стали употреблять суррогаты. В первые месяцы запрета значительно увеличился спрос населения на денатурированный спирт, использовавшийся до войны для освещения и отопления помещений. Массовый спрос на денатурированный спирт, привел к увеличению его цены в незаконной продаже до 18 руб. за 1/4 ведра. Об обращении денатурата на питьевые цели свидетельствует факт того, что увеличилось число смертей от острых алкогольных отравлений. В 1915 г. в Пензенской губернии от отравления алкогольными суррогатами умерло 329 человек [6]. В городах появились так называемые «ханжисты» – люди, изготавливающие из денатурата питьевой напиток путём уничтожения неприятного запаха денатурата. Четверть денатурированного спирта разбавлялась пятью бутылками «фиалки» или клюквенной воды, в результате чего получалось две четверти «ханжи» – крепостью 45 градусов, в которых заключалось 300 рюмок. За продажу «ханжи» выручалось около 75 руб., при этом себестоимость приготовления двух четвертей этого напитка составляла всего 1 руб. 38 коп. (четверть денатурата стоила 78 коп., бутылка «фиалки» или клюквенной воды 12 коп.). Таким образом, этот нехитрый промысел приносил чистой прибыли около 73 руб., поэтому «ханжисты» предлагали за перепродажу им денатурата до 80 руб., но даже по такой высокой цене с марта 1915 г. достать денатурат стало практически невозможно. Поэтому к концу 1915 г. продажа «ханжи» или денатурата в городах практически исчезла, а в сельской местности такая торговля практически отсутствовала и до этого времени. В первые месяцы запрета городские низы употребляли в питьевых целях не только денатурат, но и лак, политуру, древесный спирт, одеколон. Но потребление этих суррогатов приводило к тяжёлым заболеваниям. При отравлении денатуратом больные доставлялись к врачам обычно в бессознательном состоянии, «зрачки на свет не реагировали, рефлексы отсутствовали, пульс не прощупывался, конечности и лицо синее, покрытое клейким потом, больные чаще всего находились в состоянии, близком к белой горячке. При отравлении древесным спиртом практически во всех случаях наблюдалось расстройство зрения или полная слепота, обусловленная атрофией зрительных нервов. Отравление политурой сопровождалось судорожными явлениями, сведением челюстей, повышенными рефлексами, частыми последствиями употребления политуры были паралич пузыря или прямой кишки» [7].

Размышляя над причинами негативных последствий принудительной трезвости профессор И.Н. Введенский в 1915 г. писал: «алкоголь играет

слишком большую роль в нашей жизни, чтобы внезапный переход к трезвости прошел легко и безболезненно. С исчезновением водки образовалась в бытовом укладе народа пустота, которую жизнь стремится так или иначе заполнить, и это приспособление к новым условиям принимает болезненные и опасные формы» [8, с. 31].

Так как Россия страна преимущественно аграрная, крестьяне, которым в годы запрета были практически недоступны, употребляемые горожанами суррогаты (денатурат, политура, лак, одеколон), находили другой выход: в деревнях вспомнили старинные рецепты приготовления домашнего пива, кваса повышенной крепости. Отсутствие спиртных напитков стало страшным последствием августа 1914 г., так как для крестьян и приходского духовенства стала невозможна реализация большинства религиозных обрядов. Кроме затруднений в отправлении обрядов, отсутствие казённой водки привело к осложнению межличностных отношений в крестьянской среде, так как водка всегда являлась эквивалентом в оплате каких-либо услуг. Итоги опросов общественного мнения показали, что более половины населения требуют возобновить продажу водки для бытового потребления: 45% высказались за то, чтобы возобновить продажу водки в лечебных целях, 28% – для праздников, 18% – для экономических целей (магарычи, помочи) и только 9% населения высказалось за необходимость возобновить продажу спиртного, так как невозможно отказаться от алкоголя в силу привычки, что приводит к употреблению суррогатов [9, с. 35].

По данным священнослужителей и полиции, бражку, пиво, квас – готовят практически в каждой избе, особенно перед праздниками, для собственного употребления. Городское население, состоящее преимущественно из бывших крестьян, так же традиционно употребляло спиртное в праздники, но не имело возможности производить дома квас, пиво, брагу из-за отсутствия сырья. Таким образом, большой спрос в городах на алкогольные суррогаты домашнего производства, привёл к быстрому появлению производства домашних, сельских суррогатов для продажи в город. О том, что суррогаты изготавливались преимущественно на праздники и помочи, свидетельствует диаграмма раскрытия тайной торговли опьяняющим квасом по месяцам, причём максимум приготовления квасов приходится на осенние месяцы – окончание полевых работ и праздники, а минимум совпадает со временем Великого поста. В городах фабрикация кваса и его производство, продажа особыми предпринимателями достигли больших успехов не только по производству, но и по увеличению содержания алкоголя посредством прибавления патоки, и по улучшению вкусовых качеств путем прибавления хмеля и некоторых других ароматических растений, не исключая прибавления табака. Наказание, установленные за эти правонарушения по обязательным постановлениям губернатора в размере трёх месяцев или штрафа в размере 3000 руб., мало кого устрашали в виду выгоды производства [10, с. 31].

Наряду с приготовлением кваса повышенной крепости население стало выделывать для собственного потребления и выдворять на рынки «лёгкую

брагу». В связи с тем, что уровень техники значительно вырос в результате промышленного переворота, населению стало доступно домашнее приготовление водки из бражки. Так называемое тайное винокурение (самогоноварение) было очень распространено в Западных губерниях, в которых беженцы из Царства Польского, Литвы, Прибалтики изготавливали нехитрые брагоперегонные аппараты, продавали их местному населению, обучая за небольшую цену пользоваться этими нехитрыми приборами. Самодельный брагоперегонный аппарат состоял из жестяного сосуда, имеющего в верхней части подвешенную тарелочку с отводящей трубой; в сосуде кипятилась бражка, сосуд прикрывался конусообразной крышкой, обращённой конусом вниз, на крышку наливалась вода или клался лёд, пары бражки поднимались к крышке, конденсировались и стекали в тарелочку, из которой по отводной трубке полученная жидкость сливалась в бутылку. Стоимость такого аппарата не превышала 10-20 руб., а бутылка, получаемой водки-самокурки крепостью не менее 25 градусов, продавалась по 6-8 руб. По полученным Департаментом полиции сведениям, в 1916 г. в разных местностях Империи распространился новый промысел, представители которого «разъезжают по деревням, предлагая населению новые приборы для перегонки спирта, принимая на себя при продаже аппаратов обучение покупателей» [11]. Крепость конфискованных напитков доходила до 32 градусов, по показаниям виновных, «они научились «гнать водку» – одни от бывших служащих винокуренных заводов, другие от приезжих беженцев, третьи, случайно, в дороге от пассажиров. За продажу одной бутылки самогона по 1 руб., был предусмотрен штраф в размере 1000 руб., а за повторное задержание – тюремное заключение сроком до 8 месяцев, но несмотря на жёсткие санкции, торговля самогоном с 1915 г. стала массовым промыслом [12].

Общественность России пыталась доказать, что введение «сухого закона» привело к улучшению социальной жизни русского общества. Ф.Г. Углов писал: «в 1915 г. производительность труда увеличилась в среднем на 9,3%, прогулы снизились на 27-43%» [13, с. 110]. Профессор И.Н. Введенский указывал, что «прекращение продажи спиртного привело к уменьшению душевнобольных, к увеличению членов и размеров взносов в ПОТ, сокращению преступности на 45%...» [14, с. 13]. В 1915 г. в Москве на Всероссийском Совещании по борьбе с алкоголизмом на основании многочисленных докладов врачей и учёных было принято решение, что понятие «умеренность» неприменимо к бытовому потреблению спиртосодержащих жидкостей, так как всякое потребление яда есть неумеренность и злоупотребление.

Введение «сухого закона» и увеличение военных расходов казны, не могли не отразиться на существовании развитой инфраструктуры питейной торговли, созданной за 20 лет монополии. Казённые винные склады производили работы только по приготовлению и разливу денатурированного спирта. Казённые винные лавки в течение времени практически все были закрыты, а помещения, принадлежащие казне и расположенные вблизи железных дорог, переданы под лазареты для раненых военных. По всей России

было закрыто 24000 казённых винных лавок, уволено со службы 50000 человек, на службе по вольному найму осталось не более 10% от прежнего числа [15]. Таким образом, огромный механизм, продуманный до мелочей, был практически безвозвратно уничтожен, нанеся казне огромные убытки. Однако, материальные потери от ликвидации казённых винных лавок, были ничем по сравнению с общими потерями от введения «запрета» на питейную торговлю. Кроме того, в связи с ухудшившейся политической ситуацией и увеличением вооружённых ограблений винокуренных заводов, складов и транспортов спирта 29 августа 1916 г. МВД выпустило негласное постановление – «Правила об уничтожении, по чрезвычайным обстоятельствам, спирта, вина и прочих крепких напитков, принадлежащих как казне, так и частным лицам» [16]. Между тем оказалось, что в начале 1917 г. правительство стало испытывать недостаток спирта, необходимого для нужд пороховой промышленности, а для вывоза спирта за границу – в помощь союзникам, казённого спирта вообще не было.

После Октябрьской революции спирт продолжал оставаться стратегическим продуктом. По новому постановлению правительства 1917 г. спирт требовалось охранять, а не уничтожать [17]. Так, в декабре 1917 г. чиновники Акцизного ведомства обратились к Советам солдатских депутатов с просьбой о том, что в связи с тем, что спирт является государственной собственностью, чтобы солдаты охраняли склады и заводы от разграблений населением. Однако, военная охрана не во всех случаях являлась формой защиты казённого имущества. К примеру, военная охрана казённого винного склада в г. Саранск привела к тому, что именно военные, охранявшие спирт, стали инициаторами его разграбления. В декабре 1917 г. 300 солдат местного гарнизона потребовали произвести оплату за охрану склада спиртом, а не деньгами. Начальник гарнизона принял самоличное решение производить такую оплату в размере $\frac{1}{2}$ бутылки спирта в день на человека. В результате на следующий день толпа солдат захватила склад, который в ночь был полностью разграблен и сожжён [18]. Печальная практика грабежей повергла в разруху не только казённое имущество, но и почти все частные винокуренные заводы.

Таким образом, употребление алкоголя, если оно и сократилось, то незначительно, оно лишь стало скрытым, приобрело более грубые формы и неизбежно приводило к более тяжким последствиям. Но самую большую опасность для новой власти представляло самогонование. Двухсотлетний строгий надзор со стороны помещиков, винокуренных заводчиков, государства привели к тому, что население практически утратило технологию производства алкогольных напитков, доступность и сравнительная дешевизна казённой водки в годы казённой винной монополии подавила потребность изготавливать любые суррогаты. Введение запрета на продажу казённой водки и неискоренимая бытовая потребность населения в алкоголе вновь возродила к жизни эти незаконные промыслы. При этом отрицательные последствия питейного употребления алкоголя, которые правительство пыталось искоренить введением «сухого закона» не только не уменьшились, но и усугубились.

Винокурная инфраструктура в связи с невозможностью сбыта спирта развалилась, разорив огромное число производителей. А государство пострадало от этой политики вдвойне. Во-первых, появился дефицит бюджета размером в 674 млн. руб., способствовавший инфляции, а, следовательно, разрушению экономических механизмов, поддерживающих империю от развала. Во-вторых, борьба с пьянством как поиск эффективных форм социального управления провалилась, фактически вызвав дестабилизацию царского режима власти.

Участие России в Первой мировой войне, несмотря на смену формы правления, требовали и от Советского правительства восстановления производства спирта, необходимого для нужд фронта и медицины. В результате к лету 1918 г., Управление Акцизными сборами РСФСР потребовало от местных властей доставить сведения «об убытках, понесённых республикой от расхищения, присвоения, уничтожения и самовольной распродажи казенного имущества за период с 1 ноября 1917 г. по июль 1918 г.» [19]. В России к осени 1918 г. осталось чуть более 2 млн. ведер спирта, что составляло от довоенного запаса 3,8%. А по подсчётам ВСНХ, для технических и медицинских целей Советской республике ежегодно требовалось не менее 4,5 млн. ведер спирта. 27 января 1918 г. все винокурные заводы были национализированы, а ЦСУ наметил на 1919 г. возобновление винокурения в 4 губерниях: Тульской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской, для чего требовалось 60 млн. руб. [20]. По подсчётам ВСНХ, себестоимость ведра спирта составляла более 33 руб., в то время как до 1917 г. стоимость производства ведра спирта не превышала 1 руб. В Пензенской губернии, которая до 1914 г. занимала первое место в России по производству спирта, и несмотря на то, что находилась она теперь в прифронтовой полосе, были снижены наряды на поставку картофеля на фронт и восстановлено 42 винокурных завода [21].

В отношении потребителей Советская власть продлила действие «сухого закона». «Третьим декретом 28 ноября 1917 г. был Декрет о сухом законе. Им предусматривалось 5 лет тюрьмы за самогонование и 1 год исправительных работ за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии. В Красной Армии действовал неписанный закон – алкоголь отбирался у белых и уничтожался, а если комиссар был замечен пьяным, то его расстреливали» [22, с. 22].

Возникновение волн пьянства в периоды общественного переустройства, характеризующиеся значительными изменениями в социальном составе и структуре населения, массовой маргинализацией – естественное следствие модернизации. Чем в большей степени и с большей скоростью подвергается деформации базовая культура, тем в большей степени проявляется стремление людей выйти за пределы такой культуры. А этот выход может проявляться и в виде алкоголизации, наркомании, бунта и др. Чему мы находим яркое подтверждение в первой половине XX века. Первая мировая война, Февральская революция и Октябрьская революция, Гражданская война внесли анархию в общество, а продление Советской властью царского «сухого закона» продлили нарушение традиционного баланса спиртных напитков в городе и деревне. Как считал В.В. Похлебкин, «Водка

представляла собой мощный инструмент и удобный регулятор классового влияния. Если им умели пользоваться, и до тех пор, пока им пользовались разумно, он обеспечивал стабильность правления своему владельцу. Как только государство или господствующий класс утрачивали бразды правления и контроль за водкой, неизбежно возникали политические смуты, вырастали противоречия, до тех пор скрываемые или маскируемые» [23, с. 333].

Советская власть в первые годы правления надеялась, что социалистическая рабоче-крестьянская Россия будет строиться под знаменем воздержания от алкоголя. Однако, в первые же месяцы после Октябрьской революции пришлось признать, что население эту идею, мягко говоря, не поддерживает. В Воззвании «К населению» от 5 ноября 1917 г. отмечалось: «Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное...» [24, с. 159]. Однако, мы видим, что грабежом спирта промышляли все категории населения, включая, в первую очередь, красноармейцев. Еще большей проблемой новой власти являлось самогонварение. В своих воспоминаниях о работе Ельнинской ЧК Смоленской губернии в 1918 г. М.В. Исаковский отмечает, что «борьба с самогонварением в тех условиях была борьбой за хлеб, за жизнь, и, в конечном счёте, борьбой за победу революции» [25, с. 41].

Действительно, Советской власти удалось справиться с грабежами, спасти некоторые запасы спирта, наладить его производство в условиях Гражданской войны для медицинских и военных целей, но справиться с самогонварением, можно сказать, так и не удалось. В предприятиях противодействия государства самогонварению рельефно проявилась традиционная российская коллизия. Народ – жертва насилия, но в то же время носитель анархического начала. Государство – репрессивная машина, но в то же время единственный носитель порядка в хаосе. На протяжении 20-х гг. XX века взаимоотношения крестьянства и власти характеризовались нестабильностью и конфликтностью. Эти конфликты принимали разнообразные формы, проявлялись на разных уровнях, и «самогонный вопрос» был одним из самых важных [26, с. 81-82].

Начиная с 1915 г., характерным явлением жизни российской деревни стало массовое самогонварение, возникшее как реакция крестьянства на нарушение традиционного баланса спиртного в деревне. Широкому распространению самогонварения после Октябрьской революции способствовали мероприятия государства по изъятию хлеба из деревни и установлению твёрдых цен на него, что делало торговлю суррогатами высоко прибыльной. Уже во время Гражданской войны борьбы с самогонварением была тесно увязана с продовольственной политикой большевистского режима. Самогонварение быстро преодолело границы повседневной жизни крестьянства и стало важным источником напряжённости во взаимоотношениях крестьянства и власти. В мае 1918 г. с целью предотвращения переработки хлеба на самогон был принят декрет ВЦИК «О предоставлении народному комиссару

продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» [27]. Самогонщики объявлялись врагами народа, за подпольное изготовление суррогатов предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет, притом с конфискацией имущества и принудительными работами. Выполнение этого декрета было нереальным в условиях Гражданской войны. Самогонование имело не только бытовые, но и экономические корни. Отсутствие отхожих промыслов, удешевление хлеба и самогон стал служить необходимым подспорьем в хозяйстве. Гнали самогон из различных продуктов, в зависимости от специализации района, в основном, из зерна и картофеля. Продажа самогона являлась очень выгодным занятием. Из 1,5 меры плохой картошки, 8 фунтов муки и 6 фунтов солода – 15 бутылок самогона. Использованные для изготовления самогона продукты в 1922 г. стоили 100 млн. руб., а 15 бутылок суррогата – 900 млн. руб. К большим праздникам самогонованием занималось практически каждое крестьянское хозяйство, а в остальное время преимущественно беднота – для сбыта. В пригородах, при широком рынке сбыта самогонование приносило неплохой доход «3-4 раза выгонишь – сможешь лошадь купить» [28, с. 64]. В Андреевской волости Костромской губернии из 86 самогонщиков – 20 бедняков, 61 – середняк, 2 – зажиточных. Нередки были случаи, когда бедняки и середняки получали продукты и аппарат у зажиточного хозяина, а самогон отдавали обратно, работая за определённый процент суррогата. Оставшаяся после перегона барда скармливалась скоту. При этом, люди призванные вести борьбу с самогонованием, сами оказывались в числе активных потребителей:

«– А те, кто с ним борьбу ведут,
– Те также аппетитно пьют –
– Его уничтожители,
– Его же потребители...» [29, с. 65].

Корреспондент «Русской Воли» делится следующими впечатлениями, вынесенными из поездки по Дорогужскому уезду Смоленской губернии: «Во всякой волости непременно подвизаются 2-3 петуха из своих, заведомо воры и пьяницы или бывшие полицейские. Они приходят в волостные советы избираются председателями, и под влиянием этих петухов происходят земельные захваты. В уезде процветает тайное винокурение: почти во всяком овине устроен винокурный завод, причем самогонкой торгуют по цене 40-60 руб. четверть. Волостной совет увеличил цену на реквизируемый хлеб, установленную продовольственным комитетом с 2 руб. 65 коп. до 3 руб. 50 коп., при чем бесхлебными крестьянами оказались те, кто хлеб перекурил на самогон, у тех, кто хлеб сберёг, его отбирают и отдают винокурам. Результаты реквизиции – окровавленные рты и носы [30].

В результате увеличения малоимущих крестьян, рассматривавших самогонование как доходный промысел, неспособность властей повлиять на производство и потребление суррогатов, как на неотъемлемый элемент деревенской повседневности, привело к тому, что самогонование потеряло в глазах населения преступный промысел.

В Программе РКП(б), принятой на восьмом съезде, искоренение алкоголизма было отнесено к числу важнейших, долгосрочных социалистических задач. В декабре 1919 г. по инициативе В.И. Ленина Совнарком РСФСР принял Постановление «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» [31]. Допускалось приобретение вина крепостью до 12 градусов в соответствии с разрешением, только для лечебных или религиозных целей по согласованию с местными Советами. При этом для технических целей спирт производится только на государственных предприятиях, а продажа спирта для питьевого потребления запрещена. Последним запретительным правовым актом можно считать положение, зафиксированное в Плане ГОЭЛРО 1920 г.: «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как безусловно вредного для здоровья населения» [32, с. 174].

К весне 1921 г. страна находится в состоянии разрухи, голода, для преодоления которой необходимы значительные средства, и в правительстве разворачивается серьёзная борьба по вопросу внутренних источников хозяйственного строительства, одним из которых вполне могла стать государственная торговля алкоголем, раз уж преодолеть пьянство всё равно не удалось.

9 августа 1921 г. Декретом СНК была разрешена продажа населению виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин крепостью до 14 градусов. Для регулирования вопросов производства и сбыта в январе 1922 г. создаётся Управление государственным виноградарством и виноделием. Летом 1922 г. постановлением СТО «ввиду исключительных условий работы на горных предприятиях и в целях поднятия интенсивности труда шахтёров» было предписано выдавать горнорабочим определённых категорий спирт для питьевых нужд по нормам, установленным Наркоматом здравоохранения. [33, с. 193]. Декрет СНК от 30 января 1923 г. и Постановление ЦИК и СНК от 3 декабря 1924 г., разрешившее изготовление и продажу наливок и настоек сначала крепостью до 20 градусов, а затем и до 30 градусов, по сути, окончательно дезавуировало декабрьский декрет 1919 г., хотя формально его ещё никто не отменял [34, с. 194]. Возможно, правительство было готово разрешить продажу наливок и настоек уже в начале 1922 г., однако из-за технических возможностей спиртовой промышленности реализация разрешения затянулась на целый год.

1 января 1922 г. Госспирт обратился к председателю ВСНХ с докладом о необходимости получения беспроцентной ссуды на нужды винокуренной промышленности. ВСНХ и НКФ единогласно признали необходимость поддержать винокуренную промышленность, имеющую государственное значение и определить размер ссуды 1,5 млн. руб. золотом. 30 января 1922 г. последовал Декрет Совнаркома о разрешении выделки и продажи населению наливок крепостью до 20 градусов, причём исключительное право предоставлялось Госспирту. Наличные запасы государственного спирта составляли 3 млн. вёдер, по плану 1922 г. должны были произвести еще

3 млн. вёдер для потребностей государства на оборону и медицину. При существующих мощностях винокуренной (восстановленной) промышленности больше произвести не удастся, следовательно, придётся отказаться от выпуска наливок, которые при продаже даже 2 млн. вёдер могли бы принести государству в виде акциза 20 млн. руб. золотом. Госспирт в защиту выпуска наливок для продажи приводит в ВСНХ следующие аргументы: Госспирт при переходе на начала хозяйственного расчёта никаких денежных средств не получил, спирт имеющийся ввиду запретительного характера спиртовой монополии не может быть реализован. Госспирт должен начать финансировать винокурение в 22/23 гг., а положение в настоящее время критическое. Кроме того, наступили сроки платежей госбанку по ссуде, а также на расплату с Наркомпродом и Хлебпродуктом и местными крестьянами за поставку хлеба, картофеля, топлива. В Госспирте денег нет, а главный дебитор Главвоенпром не платит за поставленный спирт. Для того чтобы начать производство наливок (по плану 15 млн. вёдер) (по техническим возможностям только 3 млн. вёдер), необходимо в первом случае – 117 млн. руб. золотом, во втором – 23 млн. руб. золотом. На 1 июля 1922 г. произвели для наливок 2 млн. вёдер спирта, так как столько сырья поставил Наркомпрод, а остальное сырьё частное, за которое нечем расплачиваться. В результате в июле 1922 г. при Госспирте создается Синдикат-Спирт на условиях хозрасчёта, который получает долгосрочную ссуду 166 млн. руб. Только к 1925 г. Госспирт смог выполнить все условия производства и погасить все задолжности. Ликвидации долгов способствовало и повышение цен на заграничных рынках, в результате чего впервые после войны спирт начали экспортировать в 1924 г. В ведении Госспирта находилось 439 винокуренных заводов, 113 из которых действующие на период 1922 г.; 265 складов, из которых действующих – 94; и 12 спиртоочистительных заводов, действующих 2 – в столицах. На содержание служащих и рабочих всей отрасли необходимо в год – 165 млн. руб. В связи с этим по калькуляции, проведенной Техническим отделом Госспирта, расходы на производство одного ведра спирта в 1924 г. составляли: сырьё – от 32 коп. до 1 руб. 06 коп.; топливо – от 5 до 13 коп.; труд – от 7,5 до 35 коп.; амортизация – от 3 до 13 коп.; налоги и сборы – от 2 до 6 коп.; прочие расходы – от 2 до 9 коп. на ведро. Итого себестоимость производства одного ведра спирта в 1924 г. составляла от 76 коп. до 2 руб. 17 коп. Себестоимость одного ведра наливки – от 7 руб. 75 коп. до 24 руб. [35].

Потребителей 1920-х гг. не могли, конечно, удовлетворить такие дорогие, да и для многих непривычные напитки, как вино, наливки и настойки. Главным народным напитком оставался самогон. В годы Нэпа самогон являлся выгодным товаром и для продажи, и в качестве эквивалента при торговых расчётах, деловых сделках. Следовательно, такого успешного конкурента государственным напиткам необходимо было устранить, для чего предпринимаются следующие мероприятия. В июне 1922 г. в УК РСФСР вводится ст. 140, которая карала изготовление самогона, но только с целью сбыта принудительными работами до 1 года с конфискацией имущества.

Что способствовало скорее легализации, а не искоренению самогонварения. 31 октября 1922 г. издается Постановление ВЦИК, по которому в УК введена ст. 140Б, карающая приготовление самогона без цели сбыта штрафом 500 руб. золотом или принудительными работами 6 месяцев; ст. 140А, для рецидивистов, предусматривающая лишение свободы на срок не менее 3 лет. 20 декабря 1922 г. опубликовано Постановление СНК о выдаче чинам милиции вознаграждения в размере 50% от взысканных с осуждённых самогонщиков штрафов [36, с. 96]. Результаты не заставили себя долго ждать. Если в 1922 г. было обнаружено 94 тыс. случаев самогонварения и отобрано 22 тыс. аппаратов, то в 1924 г. эти цифры возросли втрое – 275 тыс. раскрытых случаев и 73 тыс. конфискованных аппаратов. Следуя данной статистике, производством самогона занималось около 10% крестьян, тогда как фактически самогон гнали более 60% крестьянских дворов [37, с. 195]. При этом самогонварением как в городах, так и в сельской местности занимались преимущественно выходцы из беднейших слоев населения, которые этим промыслом поддерживали своё хозяйство: вдовы с детьми, инвалиды, ремесленники, обедневшие мещане, безработные. Большинство дел о самогонке рассматривалось нарсудами и милицией в административном порядке. Нарсуды в 1923 г. вынесли 17% оправдательных приговоров.

После декабрьского постановления СНК обилие дел о самогонварении привело к тому, что места заключения оказались в 1923 г. переполнены немущими. В результате по Постановлению ВЦИК при губисполкомах образованы комиссии для пересмотра дел и к содержащимся под стражей рабочим и крестьянам применено условно-досрочное освобождение [38, с. 119].

Для производства самогонки, а по данным Госспирта у населения имелось более 10 млн. аппаратов, использовались преимущественно предметы домашнего обихода: котлы для согревания воды и варки белья, корыта, к ним приспособлялись самодельные крышки, жестяные трубки или ружейные стволы для отвода спиртовых паров. Работающие на городской рынок и ведущие производство регулярно, заказывали первые примитивные аппараты кузнецам и слесарям. Себестоимость литра самогонки – 20-30 коп., а продажная цена доходила до 1 руб. По данным НКВД, губернии по производству самогона можно расположить в следующем порядке убывания объемов производства: Вятская, округа Сибири, Пензенская, Курская, Ульяновская, Тамбовская, Саратовская, Тверская, Самарская, Смоленская, Брянская, Ярославская, Ленинградская обл., Рязанская, Калужская, Тульская, Северо-Кавказский край, Уральская обл., Воронежская, Костромская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Московская [39, с. 64].

Последствия такого потребления не заставили себя долго ждать. В Обзорах политико-экономического состояния СССР за 1923-1924 гг. неоднократно отмечалось, что в целом ряде мест крестьяне, несмотря на нехватку хлеба, пьют порой даже больше, чем в довоенное время. Особенностью новой деревни было то, что повсеместно наблюдалось «поголовное пьянство среди членов волисполкомов, сельских милиционеров, деревенских коммунистов

и других представителей власти». Государство платило своим служащим мизерную зарплату, которую задерживало месяцами, и очень часто сельсоветы, а порой и работники ВИКов сами занимались самогонварением для получения средств. Большею частью рабочие пили в дни получек, а также во время праздников и дней отдыха. Поводов для веселья хватало: старые религиозные праздники, новые революционные, а также традиции «первой получки», «обмывания», походов в гости и др. [40, с. 196-197].

Пьянство по всей стране непременно сопровождалось драками, хулиганством, поножовщиной. В 1922 г. от общего числа преступлений преступления, совершённые в состоянии алкогольного опьянения, составляли 42,1%, а в 1923 г. – 65,1% [41, с. 8].

В этих условиях, зная о ситуации в стране, правительство 28 августа 1925 г. принимает Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими», которое вступало в силу с 1 октября 1925 г. на всей территории страны за исключением Закавказской СФСР [42]. Самым популярным аргументом в пользу водочной монополии был тезис о необходимости борьбы с самогонварением. Председатель Совнаркома А.И. Рыков (в честь которого выпускаемая 20–30-градусная водка была прозвана «рыковкой») заявлял: «Выпуск водки является одним из способов борьбы с самогоном... Пока мы не можем искоренить всякое потребление водки – лучше давать её от государства» [43, с. 199]. «Деревня в целом превращается в винокуренные заводы, снабжающие самогомом город. Крестьяне не имеют ни лошади, ни хозяйства – один самогонный аппарат. И лучше иметь «русскую горькую», чем нарождающуюся буржуазию в деревнях, которая безобразно нарушая законы, истребляет огромное количество хлеба, удовлетворяя нужду в водке... наша программа рассчитана на выпуск всего 22–23 млн. вёдер водки, тогда как в дореволюционной России выпускалось 100 млн. вёдер» [44, с. 25]. Условия государственной монополии, по сути были аналогичными царской казённой винной монополии. Производство и реализация спирта и спиртных напитков могла осуществляться как государственными, так и кооперативными и частными предприятиями, а вот изготовление спиртных напитков составляло исключительное право государства, для чего при ВСНХ было учреждено Центральное правление государственной спиртовой монополии (Центроспирт). В первые два месяца 1925 г. торговля «рыковкой» шла достаточно бойко, в связи с тем, что бутылка 0,5 л продавалась по цене 1 руб., это привело к временному снижению самогонварения. С 1 декабря 1925 г. цена была поднята в 1,5 раза и снижена до 1 руб. 10 коп. только в июле 1926 г., что усилило пьянство в городе, а структуру сельского потребления вообще не изменило. Исключение составлял лишь Дальневосточный край, где винная монополия начала функционировать с 1922 г., так как эта территория не только не свободна от самогонварения, но ещё и от контрабандного спирта в пограничных с Манчжурией местностях. Цена водки здесь была в 2 раза ниже, чем в остальных местностях Союза и за три года потребление здесь увеличилось в шесть раз [45, с. 64]. Не лишено оснований

мнение Н.Б. Лебиной о том, что введение государственной монополии на продажу водки стало одним из симптомов укрепления тоталитарного содержания режима большевиков. Водочная монополия вообще – это, как утверждали американские ученые А. Мак-Ки и М. Раева, – высшее воплощение традиций полицейского государства. А самогонварение представляло собой массовую форму деятельности населения, не поддающуюся какому-либо контролю со стороны государства. Немецкий консул В. Гросскопф в докладе за 1924 г. отметил: «Настроение в Сибири год от года ухудшается... сибирская деревня является резко враждебной Советской власти. Огромное недовольство вызывают преследования тайного самогонварения и произвол местных властей» [46, с. 136].

Производство и продажа водки, даже несмотря на верность деревни самогону, действительно сразу же становится важным финансовым источником осуществления форсированной индустриализации. В 1926 г. доход государства от продажи водки составил 340 млн. руб., что составляло 8,4% доходной части бюджета, а в 1928 г. – 728 млн. руб., что соответствовало 12% доходов бюджета. Столь же стремительно росло душевое потребление спиртного, которое в 1928 г. достигло уровня 3,5 л абсолютного алкоголя, превысив тем самым дореволюционный уровень [47; С. 203].

Источники и литература:

1. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 16. Л. 21.
2. Там же. Л. 37-39.
3. Мак-Ки А. Сухой закон в годы первой Мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914-1917 гг. // Россия и первая Мировая война (материалы международного коллоквиума). – СПб.: СПбГУ, 1999.
4. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 247. Л. 63.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 41. Л. 4-72.
6. ГАПО. Ф. 176. Оп. 1а. Д. 18. Л. 1.
7. Минор Л.С. Новые формы пьянства денатуратом и спиртосодержащими жидкостями // Журнал им. С.С. Корсакова. – 1915. – № 4. – С. 19-22.
8. Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом: проблемы пути решения. – М.: Знание, 1986.
9. Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. – СПб.: Государственная тип-фия, 1916.
10. Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. – М.: НИИ МВД РФ, 1992.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 33. Л. 67.
12. Там же. Д. 26. Л. 1.
13. Пьянство и преступность: история проблемы. – Киев: Наук. Думка, 1989.
14. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – М., 1915.
15. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 57. Л. 6.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 33. Л. 63.
17. РГАЭ. Ф. 733. Оп. 2. Д. 19. Л. 12.
18. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 275а. Л. 9.
19. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 538. Л. 3.
20. Там же. Ф. 733. Оп. 8. Д. 2. Л. 72.
21. Там же. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 535. Л. 10, 36.
22. Чему учит нас история... Методические указания для пропагандистов, преподавателей, кураторов, профсоюзно-комсомольского актива, руководящих органов обществ

- борьбы за трезвость и других общественных формирований в усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом. – Минск: Политиздат, 1990.
23. Похлебкин В.В. История водки. – М.: Интер-Версо, 1997.
 24. Дорогих М.И. Административно-правовые меры по преодолению пьянства и алкоголизма. – Киев: Научная мысль, 1988.
 25. Там же.
 26. Кузнецов А.И. Самогоноварение в сибирской нэповской деревне как фактор конфликта между крестьянством и властью // Государство и личность в истории России. Материалы региональной научной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2004.
 27. СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 468.
 28. Привалов Т.В. Быт российской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России 60-е гг. 19 в. – 20-е гг. 20 в.). – М.: Цент Терра, 2000.
 29. Там же.
 30. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.
 31. СУ РСФСР. 1920. № 1-2. Ст. 2.
 32. План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. – М.: Политиздат, 1955.
 33. Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. – СПб.: Нева, 2002.
 34. Там же.
 35. РГАЭ. Ф. 733. Оп. 8. Д. 40. Л. 16, 89, 90, 90об, 113, 127, 135, 146, 155, 160, 165, 169.
 36. Воронов Д. Алкоголь в современном быту. – М.-Л.: Госиздат, 1930.
 37. Такала И.Р. Указ. соч. С. 195.
 38. Воронов Д. Алкоголь в современном быту. – М.-Л.: Госиздат, 1930.
 39. Там же.
 40. Такала И.Р. Указ. соч.
 41. Алкогольная преступность и борьба с самогоноварением в Иркутской губернии. – Иркутск, 1925.
 42. СЗ СССР. 1925. № 57. Ст. 426.
 43. Такала И.Р. Указ. соч.
 44. Габинов Л.А. Почему в Советском Союзе разрешена продажа спиртных напитков. – Харьков: Научная мысль, 1927.
 45. Воронов Д. Алкоголь в современном быту. – М.-Л.: Госиздат, 1930.
 46. Белковец Л.П., Белковец С.В. 1924 г. в Сибири в докладах германского консула Вильгельма Гросскопфа // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск: НГУ, 2002. Вып. 3.
 47. Такала И.Р. Указ. соч.

Referenses

1. GARF. F. 102. Op. 302. D. 16. L. 21.
2. Tam zhe. L. 37-39.
3. Mak-Ki A. Suhoj zakon v gody pervoj Mirovoj vojny: prichiny, koncepcija i posledstvija vvedenija suhogo zakona v Rossii. 1914-1917 gg. // Rossija i pervaja Mirovaja vojna (materialy mezhdunarodnogo kollokviuma). – SPb.: SPbGU, 1999.
4. GAPO. F. 71. Op. 1. D. 247. L. 63.
5. GARF. F. 102. Op. 302. D. 41. L. 4-72.
6. GAPO. F. 176. Op. 1a. D. 18. L. 1.
7. Minor L.S. Novye formy p'janstva denaturatom i spirtosoderzhashhimi zhidkostjami // Zhurnal im. S.S. Korsakova. – 1915. – № 4. – S. 19-22.
8. Zaigraev G.G. Bor'ba s alkogolizmom: problemy puti reshenija. – М.: Znanie, 1986.
9. Voronov D.N. Zhizn' derevni v dni trezvosti. – SPb.: Gosudarstvennaja tip-fija, 1916.
10. Zaigraev G.G. Obshhestvo i alkohol'. – М.: NII MVD RF, 1992.
11. GARF. F. 102. Op. 302. D. 33. L. 67.

12. Tam zhe. D. 26. L. 1.
13. P'janstvo i prestupnost': istorija problemy. – Kiev: Nauk. Dumka, 1989.
14. Vvedenskij I.N. Opyt prinuditel'noj trezvosti. – M., 1915.
15. RGAJe. F. 7733. Op. 1. D. 57. L. 6.
16. GARF. F. 102. Op. 302. D. 33. L. 63.
17. RGAJe. F. 733. Op. 2. D. 19. L. 12.
18. GAPO. F. 71. Op. 1. D. 275a. L. 9.
19. RGAJe. F. 3429. Op. 4. D. 538. L. 3.
20. Tam zhe. F. 733. Op. 8. D. 2. L. 72.
21. Tam zhe. F. 3429. Op. 4. D. 535. L. 10, 36.
22. Chemu učit nas istorija... Metodicheskie ukazanija dlja propagandistov, prepodavatelej, kuratorov, profsojuzno-komsomol'skogo aktiva, rukovodjashhijh organov obshhestv bor'by za trezvosť i drugih obshhestvennyh formirovanij v usilenii bor'by s p'janstvom i alkoholizmom. – Minsk: Politizdat, 1990.
23. Pohlebkin V.V. Istorija vodki. – M.: Inter-Verso, 1997.
24. Dorogih M.I. Administrativno-pravovye mery po preodoleniju p'janstva i alkoholizma. – Kiev: Nauchnaja Mysl', 1988.
25. Tam zhe.
26. Kuznecov A.I. Samogonovarenie v sibirskoj njepovskoj derevne kak faktor konflikta mezhdu krest'janstvom i vlast'ju // Gosudarstvo i lichnost' v istorii Rossii. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii. – Novosibirsk: NGU, 2004.
27. SU RSFSR. 1918. № 35. St. 468.
28. Privalov T.V. Byt rossijskoj derevni (mediko-sanitarnoe sostojanie derevni Evropejskoj Rossii 60-e gg. 19 v. – 20-e gg. 20 v.). – M.: Cent Terra, 2000.
29. Tam zhe.
30. GARF. F. 1788. Op. 1. D. 33. L. 28.
31. SU RSFSR. 1920. № 1-2. St. 2.
32. Plan jelektrifikacii RSFSR. Doklad VIII s#ezdu Sovetov Gosudarstvennoj komissii po jelektrifikacii Rossii. - M.: Politizdat, 1955.
33. Takala I.R. Veselie Rusi. Istorija alkohol'noj problemy v Rossii. - SPb.: Neva, 2002.
34. Tam zhe.
35. RGAJe. F. 733. Op. 8. D. 40. L. 16, 89, 90, 90ob, 113, 127, 135, 146, 155, 160, 165, 169.
36. Voronov D. Alkohol' v sovremennom bytu. – M.-L.: Gosizdat, 1930.
37. Takala I.R. Ukaz. soch. S. 195.
38. Voronov D. Alkohol' v sovremennom bytu. – M.-L.: Gosizdat, 1930.
39. Tam zhe.
40. Takala I.R. Ukaz. soch.
41. Alkohol'naja prestupnost' i bor'ba s samogonovarenijem v Irkutskoj gubernii. – Irkutsk, 1925.
42. SZ SSSR. 1925. № 57. St. 426.
43. Takala I.R. Ukaz. soch.
44. Gabinov L.A. Pochemu v Sovetskom Sojuze razreshena prodazha spirtnyh napitkov. – Har'kov: Nauchnaja Mysl', 1927.
45. Voronov D. Alkohol' v sovremennom bytu. – M.-L.: Gosizdat, 1930.
46. Belkovec L.P., Belkovec S.V. 1924 g. v Sibiri v dokladah germanskogo konsula Vil'gel'ma Grosskopfa // Nemeckij jetnos v Sibiri. Al'manah gumanitarnyh issledovanij. – Novosibirsk: NGU, 2002. Vyp. 3.
47. Takala I.R. Ukaz. soch.